Ч. Варга[1]

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА КАК ЦЕННОСТИ И ПРАВОВОГО ФУНДАМЕНТА НОВОГО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Как интеллектуальные продукты, так и многие технические решения нашего цивилизационного развития сегодня ставят вопрос об их универсальности или специфичности для времени и места. Западная цивилизация, Европа с самого начала выступала за универсальность, поскольку и наша господствующая христианская традиция, и Просвещение, послужившее колыбелью многих современных идей, которыми мы живем, связывали их с человеком как таковым в качестве основы. С одной стороны, как утверждает антропология, «человек биологически един». С другой — та же антропология все же более строга в своей концепции. В одном из самых классических документов говорится, что «стандарты и ценности родственны культуре, из которой они проистекают», и что, следовательно, не существует человека абстрактного — то есть в общем, чисто биологическом смысле, а есть только тот, кто живет в своем сообществе и, следовательно, в своей культуре. В прямом или в культурно-антропологическом смысле, который выходит за рамки биологической антропологии, ни одна из трактовок не является универсальной. Соответственно, можно заключить: «Только после того, как будет сформулировано право людей жить в соответствии со своими традициями <...> можно будет перейти к следующему шагу — определению прав и обязанностей групп людей по отношению друг к другу»[2].

Это явно не констатация абстрактной и неинтересной истины в условиях становления нового многополярного миропорядка или, тем более, в контексте интеллектуальных продуктов и технических решений цивилизационного развития, которые, хотя и отстаивают ценности, определяющие высший идеал права и правотворчества, призваны служить поддержанию и расширению однополярности, насколько это возможно, и именно в рамках глобализма, управляемого Соединенными Штатами и в их интересах[3].

Верховенство права

Идея верховенства права, или *Rechtsstaatlichkeit*, стала одним из главных лозунгов международной политики в последние десятилетия, хотя ее концептуальное содержание обсуждалось, в частности в Венгрии, с начала так называемого перехода к верховенству права в данном регионе. К этому времени основные академические и политические круги Запада уже универсализировали ее как закрытую и абстрактную концепцию — минимум, который должен быть достигнут в любой точке мира, поскольку она служит критерием для государственных институтов, прав человека и всех тех ценностей, которых Западная Европа и англо-американский мир, как оказалось, просто придерживаются. Эта ситуация — далеко не местная особенность, новая или сугубо венгерская характеристика. Ее рождение совпало с распадом Советского Союза и навязыванием глобализации американского типа новому однополярному миру. Практически с момента окончания холодной войны и начала однополярности мира Организация Объединенных Наций вместе с ее всевластными экономическими и финансовыми структурами, а также внешнеполитические ведомства Соединенных Штатов и политические, административные и судебные центры Европейского союза использовали ее как средство глобалистской и соответственно федералистской экспансии со своими ценностями, государственными структурами и концепцией прав человека.

Что касается концептуальности верховенства права, или *Rechtsstaatlichkeit*, то это широкое идеальное понятие, включающее множество ценностей, к которому можно подойти только путем прагматичного взвешивания и балансирования в каждом конкретном случае, готовое к компромиссу в любое время, чтобы найти индивидуальное решение для каждой ситуации. Поскольку, учитывая сложность системы с ее противоречивыми ценностями, в любом случае при равной поддержке возникнут внутренние столкновения. Более того, эта концепция не может быть провозглашена универсальной моделью. Это может быть только решение проблем в рамках конкретного сообщества, то есть государства или международного образования, которое является ответом на вопросы, возникшие в определенном месте, в конкретный момент, в индивидуальном контексте. То есть сама идея *по определению* связана с интересами одной группы, так что она не может стать универсальной как абстрагированная от конкретности любого из ее проявлений *здесь и сейчас*. Рассматривая разнообразие правовых систем в современном мире в сравнительно-исторической перспективе, можно понять, что они должны быть особенными хотя бы потому, что предполагают правопорядок, основанный на правилах, который на самом деле характерен только для законов, уходящих корнями в римское право, и поэтому далеко не универсален.

---

[1] Почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор юридических наук. Приглашенный профессор ряда учебных заведений в США, Австралии, Италии, Германии, Великобритании, Японии и России. Автор более 400 научных работ, опубликованных на английском, немецком, французском и других языках, в т. ч. монографий «Codification as a Socio-historical Phenomenon», «The Place of Law in Lukács' World Concept», «Theory of Judicial Process», «Paradigms of Legal Thinking» и др. Советник премьер-министра Венгрии (1990–1994), член Международной академии сравнительного права. Лауреат премии правительства Венгрии за научные достижения.

[2] Statement on Human Rights / The Executive Board, American Anthropological Association // American Anthropologist. 1947. Vol. 49, № 4. P. 539–543.

[3] В качестве примера немедленного и беспринципного использования ситуации силового превосходства в любой момент можно привести случай, произошедший несколько десятилетий назад (см.: *Varga C.* Failed Crusade: American Self-confidence, Russian Catastrophe // Central European Political Science Review. 2007. Vol. 8, № 28. P. 71–87).

Итак, если суммировать то, что мы знали об этой концепции, когда она появилась век или два назад, и то, что новая держава-гегемон сейчас пытается навязать остальному миру, мы сталкиваемся с новым явлением, поскольку за это время оно трансформировалось.

Это было серьезное отношение к праву. В континентально-европейском варианте оно означало необходимость того, чтобы закон связывал власть, принимающую закон, и всех его адресатов, в англосаксонском варианте — необходимость того, чтобы суд был уполномочен говорить и приводить в исполнение то, что в конечном счете является правом в любом споре. В конце концов, это означало не более чем наше цивилизационное самовосхваление в области права, идеал, к которому мы все стремимся: каждый из нас в своей практике, в условиях, которые только что были предоставлены нам в постоянно меняющихся ситуациях вызовов и ответов, которые должны определить наше существование. Ее проявления (формы, акценты и модусы) подобны здесь и там: они демонстрируют большое разнообразие, более того, высокую адаптивность и в своем внутреннем развитии тоже. Конечно, и они меняются с течением времени. Таким образом, в своем возникновении и развитии идея верховенства права и *Rechtstaatlichkeit* охватывает весь опыт, накопленный в цивилизационном самообустройстве, доступном в рамках функционирования государства, опыт, который всегда подпитывался различными ответами на меняющиеся вызовы конкретных мест и эпох. Таким образом, она никогда не была чем-то иным, кроме как по своей сути зависимой от контекста и, следовательно, неизбежно специфичной, зависящей от ее культурной (и т. д.) среды. Хотя существующие (и в принципе взаимные) процессы обучения между нациями и эпохами могут пытаться проецировать ее как универсальную, сама по себе формулировка этого необязательно предполагает нечто большее, чем естественную потребность в самооправдании тех, кто участвует в экспорте жизненно необходимых для Запада ценностей.

Когда Запад использовал лозунг верховенства права как символ своего превосходства в холодной войне, его задачей было только обозначение, описание и характеристика. Во время глобализации, когда, согласно заявлениям Запада, мировая экономика требует единой нормативно-правовой среды, а Европейский союз приступил к централизованному строительству империи, официальная мантра становится все более настойчивым требованием верховенства права, но на этот раз применяемым уже в качестве нормативного критерия.

Но каково содержание этой идеи? Ее используют так, как если бы это был юридический инструмент, инструмент для воплощения в жизнь давно известного идеала во всем мире. Но это обманчиво, потому что теперь она попала в политическую среду тех, кто принимает решения в мировых державах, и таким образом перешла из юридической плоскости в политическую. С идеей верховенства права возникла возможность и последующая практика постоянного расширения ее содержания по усмотрению специалистов, которые пытаются втиснуть свои сегодняшние и завтрашние инновации в ту схему, которая была признана вчера. Как будто сознательная приверженность государства *status quo ante* автоматически распространяется на случайность любого *status quo post*. Но тот факт, что идея верховенства права свободно расширяется и изменяется таким образом, также является признаком фактической бессодержательности этого утверждения. Поэтому не случайно и сама концепция кажется ее сторонникам внутренне пустой.

И действительно, даже если метаморфозы превратили ее из дескриптума в прескриптум и, таким образом, в критерий для оценки реально работающих правовых систем извне и сверху, они не смогли изменить основную природу самой нормы права. Дело в том, что по своей природе это не классовое понятие с границами, которые можно точно провести на основе определения, а так называемое понятие порядка, которое может быть описано только путем характеристики и примера, проиллюстрированного рядом проявлений различных феноменов и характерных свойств[1]. Иными словами, если воспользоваться другой терминологией из литературы по философии и логике науки, основополагающая природа правового государства заключается именно в его неизменности и существенной спорности[2]. Это то, что, с одной стороны, свободно и постоянно расширяется с помощью конкурирующих институциональных и авторских формулировок. В то же время это та основная черта, которая, разумеется, является предпосылкой для неизменного служения правового государства идеалу человечества, верящего в верховенство права или *Rechtsstaat*, несмотря на меняющиеся обстоятельства.

Его содержание, даже при самом узком юридическом понимании действительно основных составляющих, представляет собой запутанный ансамбль ценностей, целей и процедур, которые, поскольку они естественным образом направлены в разные стороны и, кроме того, находятся в противоречии друг с другом, если на них делается одинаковый или односторонний акцент, требуют взвешивания и балансирования в каждой конкретной ситуации — хотя бы потому, что максимизация любой из них без такого компромисса или даже попытка или поддержка их полного удовлетворения привела бы к их взаимному уничтожению. Следовательно, верховенство права — это не категория, на реальность которой можно ответить простым «да» или «нет», а идеал, направление, к которому мы должны стремиться при любой актуализации права. Каким образом? Напрашивается вывод, что на этом пути неизбежны противоречия и компромиссы. Ибо только индивидуальное разрешение ситуации в конкретное время в конкретном месте, ответственное и чуткое рассмотрение ее *здесь и сейчас* может создать некий оптимальный баланс «там и тогда».

---

[1] См.: *Hempel C. G., Oppenheim P.* Der Typusbegriff im Licht der neuen Logic (Leyden: Sijthoff 1936) vii + 130 p. ; *Oppenheim P.* Von Klassen begriffen zu Ordnungsbegriffen // Travaux du IXe Congrès International de Philosophie: Congrès Descartes / ed. R. Bayer. P. : Hermann, 1937. Vol. 9. P. 69–76 [Actualités scientifiques et industrielles 530] ; *Radbruch G.* Klassenbegriffe und Ordnungsbegriffe im Rechtsdenken // Revue internationale de la Théorie du Droit XII. 1938. P. 46–54.

[2] См.: *Gallie W. B.* Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society (1955–1956). Vol. 56. P. 167–198.

В самой природе нашей темы заложен тот факт, что ни идея верховенства права, ни *Rechtsstaat* никогда не были и в своем нынешнем, граничащем со злоупотреблением обращении никогда не становились действующим понятием в праве. Таким образом, она не является операциональным термином, поскольку ни в целом, ни в отдельных ее компонентах не содержится определений фактов, которые, составляя юридический случай в праве, позволили бы определить ее распространенность или нераспространенность в праве, а значит, установить и доказать ее факты в суде. На самом деле ни внутригосударственный, ни международный порядок ни одной страны или международной организации до сих пор не дал такого определения, и эти органы, ссылаясь именно на данную концепцию, сегодня выдвигают политические и экономические требования или даже используют шантаж в качестве средства вымогательства.

Это же, очевидно, относится и к политико-идеологическому расширению концепции верховенства права, когда демократия, права человека и либерализм с другими ценностями добавляются к списку требований под эгидой верховенства права в качестве непременных компонентов. Ибо это не означает, что кто-то может заявить о приверженности верховенству права в прошлом в качестве оправдания для последующего принятия произвольного расширения (дополнения и (или) изменения) в более поздние времена[1].

Кейс прав человека и смешение неправительственных организаций, служащих политическому проникновению, с реальными структурами гражданского общества

Проблематика прав человека была бы просто отдельным вопросом, если бы не была связана с современными стереотипами о верховенстве права, якобы предполагающими их в качестве основополагающих элементов. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что и здесь есть, так сказать, параллельные черты. Например, трансформация этого понятия, поскольку западная либеральная элита больше не воспринимает права человека просто как фундаментальные права, необходимые для жизни человека, или как зонтик, защищающий личность от засилья государства, а рассматривает их как абсолютизирующее расширение вседозволенности (и распущенности) с исключительным акцентом на неограниченную автономию личности в любых обстоятельствах и в любое время. Так, например, содержание прав человека рассматривается любыми меньшинствами или группами интересов как свободно расширяемое в их борьбе и для их борьбы. Такова глубинная природа прав человека, состоящих не более чем из хорошо прогнозируемых искусственных сущностей. Ведь, по сути, права человека в их теоретической реконструкции — это просто некая транслируемая проекция желаемых идей, которые на самом деле соответствуют действиям тех, кто мотивирован поступать так, как они подразумевают. Это также порождает вопрос об универсальности или специфичности: мейнстрим стремится продемонстрировать свой универсализм как идеологическое обоснование своего желания занять доминирующее положение во всем мире[2].

В то же время международная концепция демократии все больше базируется на взаимности, которая не довольствуется функционированием государственного аппарата, определяемого пропорцией голосов на соответствующих выборах, а ставит национальный суверенитет под прямой совместный контроль неправительственных организаций, которые решительно объявляются представителями гражданского общества. Однако на кону здесь не что иное, как неправительственные организации, которые как бы скрыты в общей концепции подлинно гражданских образований и используют потенциал последних, нейтральный и в то же время полезный и содействующий общему благу, в собственных узких целях и внешнеполитических интересах. Не имея демократического представительства или мандата, эти организации-агенты, созданные, финансируемые и управляемые иностранными правительствами или другими центрами политического влияния либо финансового капитала, пытаются доминировать в сфере принятия фактических решений и определять курс принимающей страны, вмешиваясь во внутреннюю политику. Как показывает большая коллекция материалов, американский профессиональный анализ уже признал, что то, что в эпоху холодной войны было миссией секретных служб, теперь может быть открыто выполнено такими неправительственными организациями в странах-объектах[3]. Или, как самодовольно утверждают финансируемые Соросом организации[4], со времен падения коммунизма историю Центральной и Восточной Европы можно досконально узнать из хронологии действий «Открытого общества»[5].

---

[1] Ср.: *Csaba V.* Rule of Law — Contesting and Contested // Magyar Elektronikus Könyvtár : [сайт]. Budapest, 2021. URL: https://mek.oszk.hu/22800/22867/22867.pdf.

[2] См.: *Варга Ч.* Природа прав человека // Загадка права и правового мышления : избр. произведения / сост. и науч. ред. М. В. Антонов. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. С. 224–230.

[3] Для Джеймса Корбетта (*Corbett J.* How the US Uses NGOs to Destabilize Foreign Governments. URL: http://theinternationalforecaster.com/topic/international_forecaster_weekly/How_the_US_Uses_NGOs_to_Destabilize_Foreign_Governments) «эти организации представляют собой „троянских коней“: они созданы для того, чтобы казаться подарками, но содержат секретные дверцы-ловушки, через которые скрытые силы могут проникнуть в страну и тайно вредить работе правительства... Такие организации — главные подозреваемые в контрабанде тайных агентов в иностранные государства». Или согласно У. Блюму (*Blum W.* Rogue State. A Guide to the World's Only Superpower. Monroe, ME. : Common Courage Press, 2000. P. 180) «многое из того, что мы делаем сегодня, было тайно сделано ЦРУ 25 лет назад».

[4] Как признают авторы книги «The Paradoxes of Unintended Consequences» (ed. R. Dahrendorf et al. ; Budapest ; N. Y. : Central European Univ. Press, 2000. P. 233) и А. Ослунг в книге «Building Capitalism The Transformation of the Older Soviet Bloc» (Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2002, P. 438), «таким образом, история посткоммунистической трансформации в значительной степени является историей фондов Сороса».

[5] *Varga Cs.* Civil Society Associations vs. So-called Non-governmental Organizations // Civic Review. Budapest. 2020. № 16, spec. iss. P. 212–225. URL: https://eng.polgariszemle.hu/current-publication/157-excerpts-from-hungarian-history-and-scientific-life/981-civil-society-associations-vs-so-called-non-governmental-organisations.

Формализм

Формализм — тот критерий, который отражает саму природу права, и именно это придает праву специфичность. Ведь право, исходя из самого себя и обращаясь к самому себе, в конце концов определит и обеспечит свою собственную систему исполнения[1]. Таким образом, основное требование верховенства права заключается в том, что для устранения возможности произвола каждый правовой акт должен быть оформлен юридически.

Однако это фундаментальное требование верховенства права не лишено некоторых следствий, по крайней мере в современном мире, который неистово стремится к совершенству. Например, чтобы достичь или даже приблизиться к этому, оно поощряет все бóльшую юридизацию и как предпосылку для этого все большее производство норм. Как специфическое массовое поле государственного вмешательства это касается, прежде всего, осуществления исполнительной власти, что неизбежно приведет к повсеместному разрастанию правового массива с неизбежной инфляцией норм.

В качестве яркого примера можно привести французскую литературу по публичному праву, в которой это рассматривается как одна из опасностей или даже самая большая угроза для его собственной конституционности. Это уже породило ложную связь между верховенством права и полнотой правового порядка как такового[2], согласно которой желательная гарантия верховенства права предполагает, казалось бы, наиболее полное регулирование всех жизненных обстоятельств. И будущее, которого она не сможет избежать, несомненно, будет нестабильным, с нарастающим ослаблением правовой определенности. Более того, любая самонакапливающаяся масса правил так и взывает к перманентному нарастанию изменений в законодательстве, которые, помимо прочего, имеют тяжелые побочные эффекты. Однако фактический путь, который может привести к этому, остается — и должен оставаться — неизбежно некритичным, потому что он будет заранее оправдан с самого начала, ибо все это может быть и будет сделано именно в духе и в интересах того самого «верховенства права»[3]. В результате всего этого французский *Conseil d'État* уже заявил, что «само право станет скорее угрозой, чем защитой»[4].

Как уже отмечалось, формалистический позитивизм правил остается в основном прямым слугой государственного интереса, воплощенного в регулировании, вместо того чтобы способствовать возможной реализации индивидуальной свободы. Как следствие, подлинное и непосредственное служение людям как высшее призвание юриспруденции остается без критериев. Это происходит потому, что представление права как абстракции, выводимой из правил, неизбежно изолирует всю эту сферу от реальных социальных процессов.

Наконец, если курс становится культом самого себя, он может способствовать снижению индивидуальной инициативы, навязывая единую схему мышления, что может быть равносильно своего рода добровольному интеллектуальному self-*Gleichschaltung*, что, как уже говорилось[5], приведет к «утрате способности к независимому моральному мышлению»[6].

Заключение

Идеал, который мы стремимся все полнее реализовать в нашем цивилизационном самовозвеличивании, утверждается вновь, ибо это тот же самый идеал, который следует из наших правовых традиций, а также из всей полноты и логики нашего правового развития.

[1] Это «замкнутая система», категория посмертной онтологии. Ср.: *Varga Cs.* The Place of Law in Lukács' World Concept. 3rd ed. [reprint 1985]. Budapest : Szent István Társulat, 2012. Ch. 5. URL: http://mek.oszk.hu/14200/14249.

[2] См.: *Varga Cs.* Legal Mentality as a Component of Law: Rationality Driven into Anarchy in America // Curentul Juridic. Târgu Mureş. 2013. XVI. Vol. 52, № 1. P. 63–77. URL: https://ideas.repec.org/a/pmu/cjurid/v52y2013p63-74.html.

[3] *Luisin B.* Le mythe de l'État de droit // Civitas Europa. 2016. Vol. 37, iss. 2. P. 155–182. URL: https://www.cairn.info/revue-civitas-europa-2016-2-page-155.htm?contenu=article#re35no35.

[4] Conseil d'État, 'De la sécurité juridique' : Rapport public annuel 1991 // Études et documents (La Documentation française). 1992. № 43. P. 20 («право рассматривается уже не как защита, а как угроза»).

[5] *Waldron J.* The Rule of Law // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2016. § 7. URL: https://plato.stanford.edu/entries/rule-of-law/#OppoRuleLaw.

[6] Ср.: *Varga Cs.* Rechtsstaat, Rule of Law — Expectations, Criticisms, and the Nature of Claims // Rule of Law / ed. Grz. Pastuszko. Warszawa : Wydawnictwo Instytutu Wymiaru Sprawiedliwości, 2023. P. 13–58. URL: https://wydawnictwo.iws.gov.pl/wp-content/uploads/2023/05/RuleOfLaw_DRUK.pdf.